

ФОТОГРАФИЯ

Перед наступающими сумерками, к урюковому саду, где я гнезился со своей радиостанцией, подвалила толпа ишкашимской молодежи.

«Пойдем почайкуем!» – сказал старший из парней в нахлобученной на голову пограничной панамке, полы которой были порезаны и причудливо закручены в узелки, как дреды у африканца.

Я глянул на свой «Гаррис», устремивший антенну вверх, на хозяина дома по имени Бек, на его жену, которая шла с ведром воды с арыка, и отказался. Обычно молодые люди либо вежливо пытаются напоить гостя, либо рассчитывают на экспедиционный этанол. В этот вечер я опять трапезничал у Бека, пил горячий ширчай с маслом, ел лепешку, а потом, отвалившись на цветастую курпачушку, смотрел в бездонное небо, которое в Азии кажется гораздо ниже, чем в привычной нам средней полосе.

На время акклиматизационного выхода группы мне предстояло сидеть на связи, для чего уважаемый Хан отдал нам ключи от своей квартиры, напротив ишкашимского базара. Однако первые дни мне не спалось под крышей, и, собрав минимум вещей и радиостанцию, я побрел куда глаза глядят. По пути мне попался землероб с ишаком, который на прекрасном русском языке осведомился, откуда я приехал. Я назвалса, после чего он, заметив, что при Союзе было жить куда комфортнее, пригласил выпить чая к себе в дом.

Дом представлял собой типичное памирское жилище – с окном в крыше, пятью столпами и портретом Ага-хана, обрамленным искусственными цветами. Больше всего поразила меня библиотека, где можно было встретить такие редкости, как дневники Бисмарка в двух томах, издания тридцатых годов, много дореволюционной литературы и огромное количество медицинских книг. Оказывается, один из родственников Бека был врачом, учился и практиковал в Питере и оставил такое наследство.

Жить я перебрался в сад, чтобы не тревожить хозяев дома. Они долго упрашивали перебраться под навес, но увидев, с каким комфортом я обитаю в палатке, и прослушав байки о ночных бдениях у радиостанции, оставили все как есть. Утром я бегал два километра в качестве зарядки и только успевал здороваться с местными жителями на ходу. Потом мы завтракали и отчаливали на поле.

Один раз я потратил полчаса на то, чтобы спуститься к Пянджу по камням, заваленным бытовым мусором. Поглядел на ту сторону речки, куда предстояло отправиться через две недели. Ничего особенного. По склонам афганской стороны спешили копытные, пастухи. По дорогам пылили машины, как правило, внедорожники. Пару раз я спрашивал у местных про мумие. Говорили, что в данный момент мумия нету, а на афганбазаре покупать не стоит – похоже на подделку.

К пятнице мы сконнектились с Валеркой, который ехал присоединиться к нашей группе из Бишкека. По пути он намеревался навестить в Хорог, в афганское консульство, где ему должны были шлепнуть печать в его загранпаспорт и отдать на руки наши паспорта. К вечеру я уже ждал его напротив входа на притихший базар, около колонки с водой. Местные дети вертелись с ведрами тут же, норовя угостить урюком или просто сказать что-нибудь по-русски в знак уважения к гостю.

После восхождения и акклиматизации в Киргизии организм Валерия требовал пожрать, и поэтому мы отложили поход к Беку на лепешки, наведались в ближайшую лавку, прикупили макарон, чаю и пару дынь и пошли пировать в квартиру Мурадбека. Отметить, так сказать, торжественную смычку. Оставшееся время пребывания в пограничном Ишкашине, перед переходом в афганский Султан-Ишкашим, мы дефилировали между рынком, квартирой и Бековыми апартаментами, заходя в урюковый павильон ко времени регламентного выхода на связь.

К моменту возвращения группы связь пропала совсем. Мы с Валерием стояли на дороге и оживленно спорили. По всему выходило, что нам надо собираться и ехать искать пропавших по приблизительной нитке маршрута. С жаром жестикулируя, решали, когда выдвигаться и что брать с собой.

Там нас и засняли вернувшиеся на день раньше остальных Андрей Громов и Ренат Шафиков.

Фотографию эту я храню до сих пор. На обороте Ренат каллиграфически вывел: «Валера и Костя спорят о времени выхода на поиски нашей группы».

ПОД БЕЗЫМЯННЫМ ПИКОМ

Стоянка на «блюде» была тягостной. Корона безымянных пиков, окружавших плато, скрывала от нас солнце. Днем мы часто наблюдали, как под аккомпанемент грома скатываются вниз лавины в шлейфе белых брызг.

Мороз крепчал: на нашем термометре ртуть ушла за отметку минус сорок.

Попытка Чижика и Тунгуса «запрыгнуть» на вершину в хорошую погоду не увенчалась успехом. Мы вынужденно сидели на одном месте и ждали окна.

Каждое действие стало превращаться в ритуал. Через день стояния биваком на плато уже никто не обращал внимания на мороз. Было очень холодно, но воспринимался этот холод как данность. Палаток на биваке стояло три штуки – шафиковская сверхлегкая из мембранного материала, Тунгусова классическая и моя летняя, купленная в Киргизии.

В палатке у Тунгуса спал Чижик, у Шафика гнездилися Валерон, а я гордо кочумал один в летней полусфере с двумя тамбурами. Утро начиналось у нас с того, что просыпался Чижик и будил всех остальных. Я лично просыпался от жуткого холода, долго ворочался и наконец решительным движением расстегивал молнию спальной системы, выпуская остатки тепла в нутро палатки. Потом требовалось аккуратно одеться, чтобы не получить под слой одежды дозу конденсата, который подстерегал жертву, до поры находясь на внутренней секции па-

латки. Фонарик перед сном я перевешивал с головы на запястье. Если, не дай бог, случится страшное – осадки свалят наши палатки или сойдет лавина, со светом шансов побороться за жизнь немного больше. Однако спать с фонарем на голове было не здорово – утром болели волосы. Я тщательно проверял несколько раз, переложил ли я фонарик во внутренний карман флиски. Фонарь на биваке должен быть всегда с собой.

Обычно утренний подъем сопровождался дикими криками. Так каждый из участников ободрял себя и товарищей. Застегнув молнию и скатав «биви-бэг», я тщательно застегивал отсек своей палатки и тамбур. Умывались мы снегом, зубы утром прополаскивали жидким освежающим средством, а более основательно – щеткой – чистили перед сном. В качестве разминки я лепил из снега стенку вокруг своей палатки каждое утро. Потом искал место, где снег почище, и скатывал большой снежный ком – добавлять в джетбойл, чтобы получить потом кипяток для приготовления еды и чая. С комом в руках шел к палатке Тунгуса, где в тамбуре готовили еду, и приваливался туда. Готовка еды на морозе занимала много времени. Обычно кочегарили сразу три джетбойла, держа их в руках, – один держит, второй добавляет в джеты снег. Примерно через час нужное количество воды закипало, и в автоклав заливали воду из двух джетов, а в один джетбойл кидали за-

варку. Автоклав стоял на полу палатки, питаюсь от мультитопливной горелки. С ним работал, как пра-вило, Дима Чижик. В середине дня мы брали Валеркин штурмовой ранец (клапан от экспедиционного рюкзака с удобными плечевыми лямками) и валили на рекогносцировку.

Темнело на плато рано. Вечером алгоритм готовки повторялся, и начинался алхимический процесс разведения этанола водой. Перед тем как залечь спать, я долго отряхивал шапку и куртку, потом снимал в тамбуре гетры и ботинки, отряхивал обувь и бережно клал себе в ноги. Потом разворачивал американский армейский «бивибэг» и садился в недра холодного спальника, стягивал штаны, потом, наконец, пуховку, раскладывая ее на груди. Аккуратно застегивал спальную систему изнутри и натягивал пуховик на лицо. Подушкой мне служил гермомешок с запасной одеждой. Задача была простая – уснуть, пока алхимическая субстанция, находящаяся в крови, давала ощущение эйфории. Тогда сон был легок и тело отдыхало.

Ближе к вечеру в дом Пира Шо пришел бородатый брат и сообщил, что Санглич захвачен и всем надо валить в Султан-Ишкашим, а нам, скорее всего, переваливать через Пяндж в РТ. Но для этого сначала нужно было добраться до Султан-Ишкашима.

Пришлось, лежа в спальниках и извиваясь червяками, подклеивать к имеющейся «пятисотке» листы с Ишкашимами. Потом увеличившуюся портянку карты закатали в скотч с обеих сторон – «заламинировали». Подъем мы произвели на пределе душевных и физических сил. Собрались сами, собрали рюкзаки. Оставили Шо Лянгари бакшиш – 50 м веревки, палатку Тунгуса, вышедшие из строя трековые палки. Шафиков собрал нас на курултай и сказал: «Пора удирать!» Мы поднялись вверх по узкой улочке между заборами домов и стали грузиться в один из джипов. Приехала еще одна машина. Тоже внедорожник. Мимо нас, по направлению на Ишкашим, тянулись вереницы различного транспорта, битком груженные людьми с оружием и без него, ишаки, лошади, люди с тюками.

Связи у афганцев между тремя машинами не было, поэтому мы распределились по три человека на три машины, достали свои радиостанции, проверили связь и тронулись в путь. В такой ситуации любимого певца пировых домочадцев – Ахмада Зоира пришлось в машине выключить. Водитель произвел ритуал прикладывания руки к губам и к портрету Ага-хана, прогрел движок, и машины тронулись по дороге, подпрыгивая на ухабах. А по краям дороги – камни, указатели с гамматическими эмблемами

и люди, люди, люди, бегущие от войны вниз к Пянджу, поближе к границе. Поймал себя на мысли, что не хотел бы повторения всех наших полигонных тренировок в реальной жизни. Просто я не был уверен, что водители при попадании в засаду будут вести себя рационально, а объяснять, что делать, было уже поздно. Еще меньше мне хотелось засесть посередине дороги из-за того, что Чичероне опять заправился только в обрез на полдороги. Вот теперь бензином с нами делиться вряд ли кто-то будет. Себе дороже... Технические санитарные остановки каждые три часа делали по очереди. Сначала вторая машина (по одному, прямо на колесо), чрез двести метров вторая, потом так же третья. От кого-то из достойных людей я слышал, как нескольких специалистов в этих местах пленили тогда, когда они всей гурьбой спешили и отошли к обочине, покидав беспечно оружие в машинах.

Из Лянгара доносились редкие хлопки выстрелов. Словно нагнетая обстановку, небо потемнело и посыпался снег.

Тактика у бандитов была весьма примитивная, но эффективная.

Перво-наперво сбивалась вышка сотовой связи. Одновременно весьма искусно штурмовались КПП полиции. Где-то штурмовались, а в иных уездах и покупались. Поэтому сидеть на позициях у пограничников было рискованно – ляжешь спать при одних хозяевах, а проснешься в зиндане, поскольку ночью тихо пришли другие. Уж лучше попробовать добраться до границы...

Джип родственника Пира Шо Лянгари представлял собой поистине произведение искусства. Конечно, до пакистанских «барбухаек» ему было далеко, но ведь и весовые категории разные. Цвет он имел вишневым. На верхней части лобового стекла, равно как и на обтекателях зеркал заднего вида, имелись какие-то арабские символы желтого цвета. Капот машины был затянут крупноячеистой черной сеткой, а радиатор завешен серой тканью. Кузов прикрывался черным тентом. Родственник сидел за рулем в маске. Выглядел он грозно. По дороге наш караван еще раз тормозил, и водитель производил манипуляции с зеленой пропановой горелкой, пока мы осматривали свои сектора. Через десять минут прогрева тронулись в путь, миновали людей с ишаками и одноэтажные домики, между которыми на камне, лицом строго на Кыблу, молился местный пограничник в китайском «каменном» камуфляже и с чешским АК. Проехали погранцов, выехали на мосток. Окна были открыты почти до упора, в салоне было холодно.

Вдалеке раздались еле слышные хлопки. Водитель остановил машину.

Шафиков пихал водителя в загревок и орал «Гони-и-и!!!», так что с шофера слетел паколь. Я синхронно дублировал Ренатовскую команду: «Драйвер гоу форвард!!!»

Через пятнадцать минут интенсивного движения всем стало жарковато.

Водила натянул на голову маску. На дороге показались модули белого цвета с синими окнами, на этот раз уже с кондиционерами. Насыпные американские габионы по периметру. Во дворе торчал гантрак белого цвета с зеленой полосой. Надпись на зеленом я не разобрал. На стуле перед шлагбаумом сидел человек в синей длиннополой одежде и непонятного вида шапке с ушами. Он разговаривал по сотовому телефону. По повадкам – вроде начальник. Чичероне пошел к родственникам – обещал принести пожрать. Предстояла долгая дорога по темноте. Рядом с кампусом пограничников оставаться было нельзя. Во-первых, их могли атаковать, во-вторых, они сами могли искать возможности сдаться противнику. Лучший вариант был продолжать движение, авось повезет.

Как писал Киплинг:

*Там слева скала, там справа скала,
Терновник и груды песка.
Услышишь, как щелкнет затвор ружья,
Но нигде не увидишь стрелка...*

В Султан-Ишкашим мы въехали в местный выходной. Промчались мимо стоящих нос к носу разобранных до нуля остовов зеленых БМП с белыми номерами 201 и 205. Перед КПШ у моста через Речку столпились груженные КамАЗы, внедорожники и куча людей с тюками. Соцветия одежд были самые причудливые. От традиционных долгополых кафтанов до тужурок различных армий. От советских «эксперименталок» до австрийских парок с эмблемой остеррейха, попавших сюда, очевидно, с гуманитарной помощью.

Водила сдернул у себя с головы паколь и подарил его Еноту. Мы тепло попрощались, и он умчался восвояси. Аборигены предложили нам блюдо с рисом, мы не отказались – поели руками, скатывая рисовый шарик и запивая его чаем из термоса. Пока ждали офицера-пограничника, расселись на рюкзаках, неподалеку от бытовок, где гнезвился личный состав. Около шлагбаума сидел на ветхом табурете пограничник с автоматом в китайской форме. Накопец приехал на мотороллере офицер.

Мы обменялись с сопровождающими сувенирами на память.

Нас пригласили внутрь. Начался процесс торга. Офицер просил бакшиш за беспокойство. Чиж всучил ему внушительную стопку афгани, прикрытых сверху долларовой купюрой. Тот заграбастал стопку и не глядя положил в карман.

Началась процедура проштамповывания наших загранпаспортов. Шлеп! И на красивую афганскую визу, выданную в Хороге, ложится треугольная печать КПШ Ишкашима с датой. В бытовке у погранцов висела карта Афганистана, фото какого-то почтеннейшего старца с джезаилом на сошках из рогов.

Офицер стал делать вид, что ищет ключ.

Мы перемигнулись с часовым, стоявшим у ворот, и просто-напросто перелезли через боковую ограду, предварительно перекинув рюкзаки.

ПОКИДАЯ «ПОРТ ЛЯНГАР»

Второй день шел снег. Поздняя осень Лянгара сменилась белой зимой. Кристальный горный воздух обжигал легкие. Стало еще холоднее. Режим был такой: сорок минут идем, двадцать минут отдыхаем. На несколько часов из-за дальних хребтов показалось солнце, стало еще холоднее, но психологически идти стало легче. Рабочий аккумулятор для камеры остался один. Очередной бивак мы сделали на закате ходового дня у замерзшего и припорошенного снегом горного озера. Чиж с ледорубом и каном спускался к озеру, прорубал лунку и начерпывал оттуда воды два или три раза. Остальные ставили лагерь.

Стали делать набор. Сначала идти было тяжело. На двух тысячах организм отвык от нагрузки. Часто останавливались, снимали с себя лишнее, поправляли рюкзаки, переупаковывались. Когда я был помладше и только собирался идти со старшими товарищами в горы, мне постоянно говорили одну прописную истину: главное не физическая выносливость, а то, что у тебя в голове. Если человек сломался внутренне, если он «выгорел», то никто его наверх не затащит. Это в лучшем случае. В худшем случае человек перестанет бороться за свое здоровье и получит травму. И травмой ничего не закончится – начнутся долгие и болезненные для всех спасработы.

Когда показалось солнце, каждый из нас ободрился и удвоил свою черепашую скорость. Ровная

тропа закончилась, начались камни. Камни песочных, шаровых, красных цветов с прожилками и вкраплениями пятен различного цвета. По ним приходилось ломиться вверх, балансируя на нагромождениях. Иногда наконечник палки попадал между камнями и заклинивался, приходилось на ходу выдергивать его, лишая себя дополнительной точки опоры. На склонах, расположенных достаточно высоко над рекой, палки приходилось сдвигать, чтобы не съехать вниз и не убиться. Выше четырех тысяч, чтобы поставить бивак на пронизывающем ветру, при сильном, почти за сорок градусов, минусе, требовалось напилить лавинной лопаткой кубиков снега, оттащить их к палаткам и обложить их по периметру. Получалась своего рода стена из кирпичей снега, которая не давала ветру продувать палатки.

Готовка еды была отдельным ритуалом. В тамбуре нашей с Тунгусом палатки сидел я, окруженный джетбойлами, и добавлял из кучи снега под ногами снежные круглые куличики в воду. По очереди во все три джетбойла. Еще и еще. В течение часа все три закипели, в два я засыпал заварку, а содержимое одного добавил в автоклав Чижа. Чиж топил снег в «клаве», пользуясь мультитопливной горелкой, которая питалась местным бензином весьма невысокого качества. Сидел он во второй палатке, расставив ноги, между ногами помещались горелка,

баллон с насосом и пакованы с провиантом. Под самым пиком мы вышли к плато. Встали в центре этого блюдца, окруженного со всех сторон вершинами, с которых каждые полчаса скатывались с грохотом лавины, клубясь белыми облаками и постепенно сходя на нет. Попытка восхождения на вершину прошла неудачно. Времени было в обрез, нам надо было возвращаться. Стоянка на «блюдце» была тягостной, поскольку пики скрывали от нас солнце. Мороз крепчал: на нашем термометре бордовая ртуть ушла за отметку минус сорок.

Сыпал редкий январский снег. Мы удалялись от Ишкашима в сторону столицы на двух Умедовских внедорожниках.

По дороге от границы нас пронял голод после пережитых волнений, и мы частенько в сопровождении Умеда заруливали в ошхоны. Скидывали обувь, садились или ложились на курпачушки и сметали со стола все, что подавали. И шашлык, и шурпо, и яичницы, и кабоб, и много литров зеленого и черного чая из пузатых чайников с привязанной к ручке крышкой.

За пару дней доехали до столицы и расположились на базе на бывшей улице Чехова. Мы с Чижиком сгоняли на Зеленый базар в поисках любой обуви для Чиж, поскольку в «кофлачах» много не навоюешь, бегать по ровному затруднительно. Запах у базара был изумительный – настоящий восточный базар с пряностями, кофе, мукой, коврами, местным фастфудом, дешевой китайской одеждой. Требовалось всего ничего – сохранять лицо, торговаться до упора, чтобы и покупатель, и продавец получали удовольствие от покупок.

Город жил своей жизнью. Вечная стройка, дети, трудяги, толпящиеся у «биржи труда» при входе на базар. Вдвоем мы быстро нашли то, что нам было нужно, купили Димке американские ботинки древесного цвета, и он тут же их напялил. Попытались продать его «кофлачи», обработав их купленным тут же дезодорантом и сменив драные шурки на новые. Но через полчаса плюнули на это дело и сдали ботинки в павильон, где торговали комплектами с натовских складов. Сказали, что нашли эту обувь в Ишкашима на афганбазаре. Прикупили до кучи и орехов в сладкой глазури. Запаслись одноразовыми салфетками, дешевой газировкой (это уже в супермаркете), зашли в аптеку, взяли перевязочный материал и много пузырьков этанола. Пополнили запас сникерсов – вещь ценная, когда перекусить нечем, а двигаться надо. Вечером, когда переливали этанол в пластиковую тару, немного попало и внутрь под хорошую закуску. Утром Миша с сол-

датами отвалил, и пришлось опять тащиться на КПП к воротам с рюкзаками.

Решили так: если придется эвакуироваться, альпинистское железо и веревки оставляем на станции и валим налегке. Себе оставляем коврики, спальные, медицину, пеммикан с заваркой и штурмовую палатку. Рюкзаки брали с собой для того, чтобы можно было быстро свалить в сторону здания, где находился кабинет дяди Коли. Это было единственное одноэтажное крепкое строение, и в случае внезапной атаки можно было в нем укрыться. На кран с водой мы натянули резиновый шланг, которым пользовались для полива, и пробросили его как можно ближе к входу в здание, набрав перед этим воды во все фляги и баклажки, которые можно было найти. Запасов воды должно быть много. Так прожили три дня. Туалет на станции стоял на отшибе, почти у входа. Из такого туалета легко могли человека похитить, никто бы даже и не спохватился. Поэтому туда приходилось ходить парами. Шел снежок, присыпая грязный асфальт. По городу движения не поубавилось. Вездесущие микроавтобусы «тангемки», гражданский транспорт, белые джипы иностранных специалистов. Выделялись белые внедорожники деминеров с красными треугольниками на бортах. В центре города все деревья-исполины, когда-то создававшие уют, были спилены.

Купить билеты в турагентстве проблемы не составляло. Турагентств и аптек было вокруг Зеленого базара предостаточно. Самолеты летали исправно. А вот прорваться в аэропорт по пробищам, которые возникали тут и там, было гораздо сложнее. Последний километр до аэропорта шли пешком в сопровождении милиционеров и группы Умеда.

Перед входом в аэропорт, у места, где обычно толкуются тангемщики и таксеры, стояла толпа молодежи. Наши аккуратно вошли клином в толпу и протаскивали нас к воротам. До первого поста нас сопровождала полиция, как почетных гостей. Обнимались с остающимися мы уже внутри.

Пару раз пограничники внимательно осматривали наши загранпаспорта и тыкали пальцами в афганские визы и султан-ишкашимские треугольники, однако в итоге всех завели на загрузку. Перевеса ни у кого не было, сувениров обратно не везли. Сели в самолет спокойно, поменялись местами, чтобы сидеть блоком, с позволения стюардесс. Самолет взлетел. Сидящие с обоих бортов приникли к иллюминаторам. В городе, похожем сверху на блюдце, в обрамлении гор, что-то горело, шел столбом черный дым.

Мы летели домой.